

Григорий Никитич Гребнев (Грибоносков) родился в 1902 году в Одессе в семье кузнеца. Прежде чем стать писателем, он переменил множество профессий и занятий: работал подручным котельщика на судовверфях, грузчиком в порту, факельщиком, был судебским секретарем, актером, начальником районной милиции, учился. В качестве корреспондента «Крестьянской газеты» и «Гудка» он извездил и исходил почти весь Советский Союз, работал очеркистом во многих газетах и журналах.

Г. Гребнев — автор сборника «Потешный взвод», книг для детей младшего возраста «Командир Первой Конной» и «Самолет над полярными льдами», многих рассказов.

Широкую известность в свое время получил написанный Г. Гребневым фантастический роман «Арктания» («Летающая станция»). Он печатался сначала в журнале «Пионер», затем был выпущен в 1938 году отдельной книгой, а после войны вышел новый, переработанный вариант романа — «Тайна подводной скалы». О романе «Арктания», посвященном освоению Арктики, достижениям науки и техники будущего, положительно отзывался А. Р. Беляев.

Перу Гребнева принадлежат, кроме того, приключенческая повесть «Пропавшие сокровища» и фантастический роман «Мир иной» (к сожалению, он остался незавершенным: Г. Н. Гребнев умер в 1960 году. Опубликована только первая часть романа).

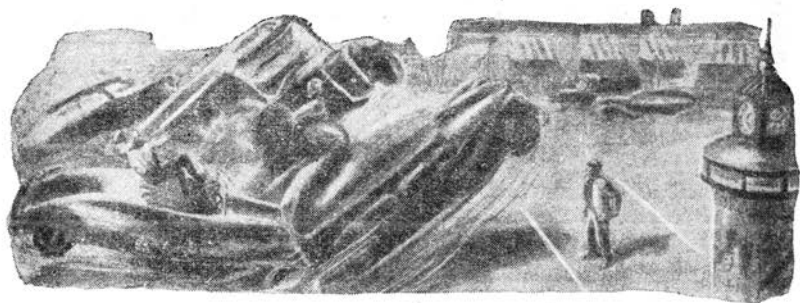
Мы печатаем (с некоторыми сокращениями) фантастический рассказ Г. Гребнева «Невредимка», впервые помещенный в журнале «Вокруг света» в 1939 году.

Борис ЛЯПУНОВ

„Невредимка“

КАТАСТРОФА НА УЛИЦЕ СВЯТОГО ДУХА

В Зурбайле, на улице Святого духа, от светофора до светофора — полкилометра, а шириной своей эта улица известна на всем континенте. Шоферы ведут машины по улице Святого духа в несколько рядов и почти всегда на высшей скорости. Правила уличного движения здесь особенно строгие, и малей-

шие отклонения от них грозят серьезными неприятностями. Но 15 июля, когда красный сигнал задержал пешеходов и от ближайшего перекрестка ринулась вперед лавина автомобилей, высокий молодой человек вдруг шагнул на мостовую и преспокойно направился к противоположному тротуару.

Шоферы уже заметили неосторожного ротозея и сигналили издали. Вряд ли кто из них затормозил бы: шоферы надеялись, что молодой человек в последний момент славирует между автомобилями. Но он по-прежнему брел через улицу не спеша, безмятежно глядя в небо, и придерживал рукой какую-то темную вещьцу, висевшую у него на груди. Внезапно пешеход остановился. Машины были в нескольких шагах, гудки их ревели, шоферы неистовствовали. И в этот момент он... чихнул. То, что произошло потом, показалось многим сверхъестественным: раздался чудовищный грохот. Несколько передних машин были отброшены от странного пешехода каким-то могучим неизвестным ударом.

Молодой пешеход мгновенно стоял, удивленно оглядываясь по сторонам. Вдруг он схватился за голову, затем сорвал с себя темный предмет, висевший у него на груди, яростно покрутил что-то в нем и сунул в карман.

ДОРОГА КАЖДАЯ МИНУТА

— Вы должны спасти Эгнаса, Год. Ведь он ваш лучший друг! — Голубоглазая девушка выжидательно и просительно смотрела на своего собеседника. Он был бледен и стоял потупившись.

— Слишком много событий в один день, Гертруда. — Год поднял голову. — Лишь час назад я стал виновником ужас-

ного происшествия. О чем-то задумавшись, я проходил улицу Святого духа при закрытом светофоре. Один миг — и я был бы убит машинами. Но вдруг я чихнул. «Эмасфера» от толчка в грудь стала действовать, она висела у меня на ремешке... Дальше... Вы не можете себе представить, Гертруда!

— Вам удалось скрыться? — быстро спросила девушка.

— В первые минуты обо мне забыли. А когда я увидел, что меня ищут, я ушел. Вряд ли кто поймет, в чем тут дело.

— Ну, а как же с Эгнасом? Неужели этот случай мешает вам помочь ему, Год?

На лице Года отразилось страдание.

— А теперь это известие об аресте Эгнаса. Это значит, что я должен использовать свой аппарат, свою «эмасферу» для насилия над людьми.

— Не над людьми, Год, а над тюремщиками!

— Я плохо разбираюсь во всем этом, Гертруда. Я не политический деятель, я ученый. И Эгнас ученый. Зачем он связался с коммунистами?

— Сейчас не время спорить, Год! Дорога каждая минута.

Год, видимо, колебался. Гертруда не сводила с него тревожных, ожидающих глаз.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я включу свою «эмасферу», я пройду с нею сквозь тюремные стены. Но это будет первый и последний случай, когда мое изобретение используется для политической борьбы. Вы должны меня понять, Гертруда.

— Я понимаю вас, Год. Но и вы меня и Эгнаса поймете немного позднее, — сказала девушка и протянула ему руку.

В ТЮРЬМЕ ЛЕТЯТ КИРПИЧИ

— Гм... У вас есть какие-нибудь бумаги, предписывающие мне освободить заключенного Эгнаса Чармена? — спросил начальник тюрьмы.

— Нет. — Год с сожалением развел руками. — Это только личное мое убеждение. Видите ли, Эгнас Чармен — отличный химик. И я убежден, что его место не в тюрьме, а в лаборатории.

— А вы убеждены в том, что вы не спятили с ума? — резко спросил начальник тюрьмы.

Год покраснел.

— Я здоров и говорю вполне серьезно.

— В таком случае убирайтесь отсюда вон, пока я вас не посадил в одну камеру с вашим дружком-коммунистом.

Году стоило большого труда сохранить спокойствие. Стараясь быть кратким и понятным, молодой человек объяснил взбешенному чиновнику, что он, доктор физико-математических наук Санто Год, почитатель и продолжатель работ великого Герца, является изобретателем сверхмощного вибратора «эмасфера», создающего на некотором расстоянии от себя сферу циркулирующих по кругу электромагнитных волн совершенно нового, доселе не известного в науке вида. Частота колебаний этих волн стоит где-то далеко, за рядом частот космических лучей, и так велика, что никакое постороннее тело не может проникнуть сквозь энергетическую броню «эмасферы». Снаряд, пуля, автомобиль, человеческое тело, соприкоснувшись с невидимой броней, будут с силой отброшены в сторону. Он, доктор Санто Год, не хотел бы прибегать к помощи «эмасферы», но если его друг Эгнас Чармен не будет немедленно освобожден...

— Задержите этого шарлатана! Я сейчас созвонюсь с полицией, — сказал начальник тюрьмы двум надзирателям, внезапно появившимся

у двери, — пока Год говорил, чиновник успел незаметно нажать кнопку на столе.

При виде надзирателей Год быстро вскочил со стула и схватил в руки «эмасферу», висевшую у него на груди. В следующее мгновение начальник тюрьмы вместе со своим письменным столом был отброшен к стене.

Год сделал шаг вперед, и чудовищная сила выпшвырнула обоих надзирателей вместе с дверью из комнаты. Вслед им полетели кирпичи и штукатурка, как будто могучий ветер выдувал стену в коридор...

ГАЗЕТЫ СООБЩАЮТ

Имя Санто Года появилось в печати на другой день после событий в городской тюрьме Зурбайля, и с тех пор оно уже не сходило со страниц газет. Намеренно извращая обстоятельства происшествия, газеты рассказывали, как какой-то коммунист, называющий себя «доктором физико-математических наук Годом», вооруженный таинственным разрушительным аппаратом, ворвался в тюрьму. Срывая с петель и запоров массивные железные двери, Год добрался до камеры, где сидел коммунист Эгнас Чармен, и увел его... При этом «чудовищном нападении» был убит один надзиратель. Он выстрелил в Года из револьвера, но пуля пошла рикошетом обратно и убила надзирателя на месте.

В связи с событиями в тюрьме газеты Зурбайля вспомнили об автомобильной катастрофе на улице Святого духа. Теперь загадка этой катастрофы разъяснилась — в ней, несомненно, был повинен все тот же Год. Вся буржуазная печать требовала ареста Года и суровых мер против коммунистов.

„ЭМАСФЕРЕ“ УГРОЖАЕТ АВАРИЯ

После разгрома научного кабинета Года молодой ученый тайно поселился в тридцати километрах от Зурбайля, на даче у родственников Гертруды. Целыми днями он копошился над своим аппаратом, не выходя из отведенной ему комнаты.

Однажды Года навестил Эгнас Чармен.

— Хелло, Санто! Как поживает «эмасфера»? — сказал он, войдя в комнату друга.

Год отложил в сторону части своего аппарата.

— Плохо, Эгнас. Эти вандалы-полицейские уничтожили экраны конденсатора «эмасферы». Мне потребуется несколько дней на их изготовление. Это особый сорт пластмассы.

— А разве они так важны, эти экраны?

— «Эмасфера» — весьма точный аппарат, Эгнас. Энергия, излучаемая моим телом, может нарушить работу ее конденсаторов. Для отражения этой посторонней энергии служили особые маленькие пластинки-экранчики.

— Обидно! — Эгнас вздохнул с сожалением. — А я хотел пригласить тебя для одного интересного дела...

— Опять возня с полицией?

— Возможно. Ты разве не хотел бы?

— А что это за дело? — спросил Год.

— Охрана пикета забастовщиков.

— Я согласен.

— А как же экраны твоей «эмасферы»? — удивленно спросил Эгнас.

— Ничего! Нагрузку одного человека мои конденсаторы выдержат. Вот если мне придется принять еще кого-нибудь под защиту «эмасферы», тогда будет хуже...

НАПАДЕНИЕ НА ПИКЕТ

Год сидел подле завода Стронхо на уличной скамейке и делал вид, что читает газету. На самом деле он внимательно следил за двумя людьми, стоявшими поодаль, — коренастым усатым стариком в рабочей блузе и молодой женщиной с голубыми глазами. Из-за угла вышла группа, человек десять, и решительно направилась к воротам завода. Все шло вразброд, но в ногу. По выправке видно было, что это переодетые в штатское военные. Когда группа поравнялась с усатым стариком и женщиной, Год встал и спрятал газету.

— Завод бастует, — сказала женщина, загораживая дорогу всей группе.

— Вы не пойдете на работу, — хмуро прибавил старик, становясь позади нее.

Это развеселило штрейкбрехеров. Кто-то протянул руку к женщине.

— Девочка с огоньком. Ха-ха!

Все дальнейшие события развернулись с кинематографической быстротой. Одним прыжком Год оказался подле пикета.

— Гертруда, в сторону! — крикнул он.

В следующее мгновение штрейкбрехеры уже летели вверх тормашками в разные стороны, отброшенные могучей энергией «эмасферы».

— Невредимка! Драпай, ребята! — крикнул кто-то из них.

В этот момент раздалась оглушительная пулеметная стрельба. Полиция, засев на балконе соседнего дома, пробовала силу своих пуль на Невредимке.

МОГЛО БЫТЬ ХУЖЕ

Результаты пулеметной стрельбы по Году оказались плачевными прежде всего для переодетых солдат-штрейкбрехеров, не успевших оправиться от оглушительных ударов «эмасферы». Один из них был ранен рикошетной пулей, в другого угодили осколки отброшенной «эмасферой» бомбы.

Гертруда и старик оказались припертыми к железным воротам завода. Стоило Году уйти со своей защитной сферой, и оба пикетчика были бы убиты пулями полицейских.

Год оглянулся. Кто-то изнутри отпирал ворота. Несомненно, Гертруду и старика хотели взять с тыла. Стрельба с балкона прекратилась, полиция, видимо, выжидала.

Это был отчаянный шаг, но иного выхода Год не видел. Он выключил «эмасферу» и крикнул пикетчикам:

— Сюда, ко мне!

В одно мгновение Гертруда и старик перебрались под защиту «эмасферы», прильнув к спине Года.

— Эй, вы там, за воротами! — крикнул Год. — Это говорю я, доктор Год, Невредимка! Убирайтесь, пока целы!

Возня за воротами прекратилась.

— Эй вы, снайперы на балконе! — крикнул он, обернувшись к пулеметчикам. — Я похороню вас под обломками дома, если вы не оставите меня в покое!

«А что, если они наберутся духу и выпустят по нас еще одну очередь?» — мелькнуло у него в голове.

Но нет, вот они втаскивают пулемет в квартиру, вот захлопнулась дверь. Ни одного человека на улице. Великолепно!..

Только тогда, когда Год привел Гертруду и старика рабочего к такси Эгнаса Чармена, он сказал:

— Мы дешево отделались, друзья. Могло быть хуже.

Эгнас взглянул на кожаный футляр «эмасферы», висевший у Года на груди.

— Авария?

— Да. Вибратор перестал действовать еще там, у завода, когда Гертруда и старик стали за моей спиной.

ПИСЬМО ДИКТАТОРА

Год разорвал конверт и пробежал глазами небольшую записку. Эгнас и Гертруда подозрительно поглядывали на пакет с правительственной печатью.

— Я получил письмо от генерал-капитана Санхорто, — сказал Год с едва заметной улыбкой. — Вот что он пишет мне.

«...Жду доктора Санто Года сегодня вечером к себе для делового разговора за чашкой кофе...»

Друзья совещались недолго. Все было ясно. Санхорто хочет переманить к себе Года с его изобретением. То, что «эмасфера» не действует, ему, очевидно, и в голову не приходит. Хотя Гертруда и отговаривала Года, он все же решил отправиться к Санхорто. Доктор хотел потребовать амнистии политических заключенных и восстановления свободы печати и слова, как предварительных условий для переговоров о продаже государству своего изобретения. Это была рискованная затея — Год отправлялся прямо в волчью пасть с бездействующей «эмасферой».

Год снял трубку телефона.

— Говорит доктор Год, — сказал он, когда убедился, что Санхорто у телефона. — Я принимаю ваше приглашение. Но я могу явиться только под защитой своего аппарата. Поэтому благоволиите принять меня под открытым небом и предупредите всех, кто будет присутствовать при переговорах, что приближаться ко мне более чем на четыре метра опасно.

СВИДАНИЕ С ГЕНЕРАЛОМ САНХОРТО

Год вошел в широко распахнутые стальные ворота и оглянулся. Перед ним был просторный двор, посыпанный гравием. В глубине двора стоял сумрачный железобетонный дом Санхорто. Вокруг — ни души. Два офицера, вооруженные с ног до головы, вышли из дома и направились навстречу Году. Они остановились на почтительном расстоянии, и один из них сказал ледяным тоном:

— Его высокопревосходительство генерал сейчас примет вас...

Внезапно Год услышал позади себя шум мотоцикла и оглянулся. В коляске мотоцикла сидел маленький сморщенный старичок с обезьяньей физиономией, одетый в военную форму. Он с опаской разглядывал Года издали, не вылезая из коляски.

— Доктор Год? — спросил он.

— Да, генерал. Я воспользовался вашим приглашением, — с достоинством ответил Год.

«Смешно. Он залез в мотоцикл, чтобы удрать от меня в любой момент. О, если бы он знал!..»

— Доктор Год! — визгливо крикнул старичок генерал, под-

прыгнув в коляске. — Правительство и родина нуждаются в вашей помощи!

Диктатор говорил торопливо и нервно. Ему очень нужна «эмасфера» Года. Он хочет с ее помощью усмирить восстание в колониях, а затем навести порядок в соседних странах, где хозяйничают коммунисты. Он простит Году его преступления, он хорошо заплатит Году, наконец, он наградит Года государственной медалью «Золотого шакала»...

— Дальнейшие переговоры излишни, — сказал Год. — Я ошибался, воображая, что вы захотите использовать мое изобретение на благо людям. Я сам распоряжусь своей «эмасферой».

— В чем вы видите это благо? — спросил Санхорто.

— В том, чтобы бороться за свободу и культуру.

— Ах, так! Вы хотите при помощи своего аппарата совершить революцию в моей стране?

Аудиенция превращалась в обыкновенный полицейский допрос.

— Вы наивны, генерал, — сказал Год, презрительно улыбувшись. — Революция в моей стране произойдет независимо от того, буду ли я участвовать в ней со своей «эмасферой» или нет. Это я понял внезапно вот сейчас, когда внимательно разглядывал вас, генерал.

Год сделал шаг вперед, намереваясь уйти.

— Не подходите! — завизжал диктатор и с силой пнул своего мотоциклиста.

Мотоцикл сорвался с места, унося Санхорто в открытые ворота.

Год иронически поглядел ему вслед и двинулся к выходу.

НЕВРЕДИМКА ХОДИТ ПО ГОРОДУ

После случая с пикетом забастовщиков и свидания с генералом Санхорто Год убедился, что фашисты окончательно поверили в его неуязвимость.

Шепотом из уст в уста передавался рассказ о позорном бегстве генерала на мотоцикле. Газеты иначе не называли Года, как Невредимка. Полиция перестала его трогать после того, как молодой доктор опубликовал свою угрозу пройти сквозь стены всех правительственных зданий и разрушить их до основания, если его и его друзей не оставят в покое.

Молодой доктор как заколдованный ходил по улицам Зурбайля на виду у полиции, заботясь, видимо, лишь о том, чтобы

никто не пострадал от ударов его невидимой сферы. Ходил он обычно по мостовой, предупреждая поднимая руку и восклицая:

— Станьте в сторону!

— Осторожно! Уберите ребенка...

И народ провожал его восхищенными взглядами. Многие мужчины поднимали шляпы и кланялись ему, когда не было вблизи полицейских. Женщины показывали его детям.

— Вот, деточка, — говорили они, — это доктор Год. Невредимка. Он лучший друг народа...

И никто, кроме Эгнаса и Гертруды, не знал, что Год ходил с пустым футляром на груди и что он проводит бессонные ночи, стараясь оживить свою угасшую чудесную «эмасферу»...

ОНИ ВСЕ ЗНАЮТ

— Короче!..

Начальник тайной полиции смотрел на агента № 115 с нетерпением.

— Эта дача стоит в лесу, ваше превосходительство. Я подслушал разговор хозяев. Они уверены, что его аппарат не действует. Он целыми ночами возится со своей шкатулкой.

— Ты в этом убежден?

— Так точно, ваше превосходительство. Однажды я шел за ним и видел, как кошка перебежала ему дорогу. У самых ног. И ничего...

Начальник тайной полиции снял трубку телефона:

— Генерал у себя?.. Это я... Мне нужно быть у него по особому важному делу.

...Агент № 115 набрал в коридоре управления тайной полиции на агента № 116.

— Неужели это все правда? — спросил агент № 116.

— Что? — подозрительно спросил агент № 115.

— Насчет Невредимки?

— А ты откуда знаешь?

— Начальник поручил мне проверить.

— Я никогда не ошибался, — с достоинством ответил агент № 115.

В тот же вечер Гертруда получила записку:

«Они все знают. Нападение готовится ночью. Примите меры. № 116».

Гертруда сожгла записку и побежала к Эгнасу Чармену.

ЧТО ИМЕННО ПОНЯЛ ДОКТОР ГОД

Полицейские остановили машину метрах в двухстах и пошли цепью на освещенную прожектором дачу. В этот момент Гертруда пустила ракету. Прожектор и ракета превратили ночь в день.

— Пли! — скомандовал Эгнас.

Это был великолепный залп: рабочие парни, присев за оградой, стреляли не хуже военных снайперов. Несколько полицейских уткнулись носом в траву, остальные успели уползти за деревья. Дальше последовала беспорядочная стрельба, во время которой Эгнас послал Гертруду в дом к Году.

— Санто, — сказала девушка, — мы отбили первое нападение. Но их машина удрала в город. Они ждут подкрепления. Эгнас просит вас уходить с пятью вооруженными рабочими.

— Задержите их еще на полчаса, и тогда я сам вам помогу! — крикнул Год, лихорадочно собирая части «эмаферы».

Танки вынырнули из темноты, освещенные ракетой. Их орудия молчали. Может быть, они хотели предложить сдаться? Но вдруг из дома выбежал взлохмаченный человек без пиджака. Это был Год. Он мчался к танкам, придерживая на груди свою «эмасферу». Через минуту дружинники услышали чудовищный грохот и лягз стали.

— За мной! — крикнул Эгнас и бросился вперед.

Они стояли среди разбитых и опрокинутых танков.

— Странно, — сказал Год.

— Что тебе кажется странным, Санто? — спросил Чармен.

— Странная судьба моего изобретения, Эгнас. Ведь я не думал, что оно окажется грозным военным оружием... Кстати, Гертруда, вы помните наш с вами разговор в день катастрофы на улице Святого духа?

— Помню, — отозвалась из темноты девушка.

— Вы сказали, что понимаете меня, но я пойму вас и Эгнаса позднее... Мне кажется, я вас понял... Я понял, что мы живем в такое время, когда решается судьба свободы и культуры во всем мире. И в эти исторические дни не только моя «эмасфера», но даже обыкновенные ножницы не могут оставаться нейтральным предметом домашнего обихода.